

А Н Д Р Е Й М А К А Р Е В И Ч

ЕВИНО яблоко

Андрей Вадимович Макаревич

Евино яблоко (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=658175

Евино яблоко: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-50853-2

Аннотация

Егору досталось расти в странное время. Про время это написаны книги, сняты фильмы, наворочены горы вранья. Но запах его, дыхание его помнят только те, кто это время застал, кто дышал его воздухом. Огромная неповоротливая страна то грозила миру атомной бомбой, то осыпала золотым дождем новорожденные африканские страны, жители которых только-только вышли из джунглей. А своих сыновей держала в черном теле, и ничего, ловко у нее это получалось, и не было ни богатых, ни бедных, ибо если нет богатых, то как поймешь, что бедные – все, и недосыгаемым верхом благосостояния считалась машина «Волга» и дачный участок в шесть соток, и все говорили немножко не то, что думают, и делали немножко не то, что хотелось, и ходили на партсобрания, и дружно поднимали руки, одобряя исторические решения съезда, и панически, безмолвно боялись власти, и занимали пять рублей до получки, и возвращали в срок, и смиренно стояли в бесконечных очередях за кефиром, докторской колбасой и

портвейном «Кавказ», и банку сайры можно было увидеть только в праздничном продуктовом заказе по спецраспределению, а книгу «Три мушкетера» получить, сдав двадцать килограммов макулатуры...

Содержание

Евино яблоко	5
Вместо предисловия	5
1	6
2	7
3	28
4	32
5	36
6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Макаревич

Евино яблоко (сборник)

Евино яблоко

Вместо предисловия

Все персонажи этого повествования, включая Толика, вымышлены, и автор не ставил себе задачу добиться их сходства с реальными людьми. Если кто-то все же такое сходство усмотрел – это его проблемы. В любом случае автор никого обидеть не хотел. Честное слово.

1

– А кстати, почему яблоко – Адамово? Вообще говоря, инициатива целиком исходила от Евы. Адам всего лишь проявил слабость. Это Евино яблоко! А кадык назвали таким образом, видимо, потому, что Евино яблоко встало Адаму поперек горла?

(Из разговоров с Толиком)

2

В привычку Егора не входило анализировать уже случившиеся события – случилось и случилось. Все равно ничего никогда не повторяется. Поэтому даже собственный жизненный опыт – вещь вполне бессмысленная, а о чужом и говорить нечего. По этой причине Егор далеко не сразу заметил, что наличие везения в его жизни, скажем так, превышает среднестатистические параметры.

В конце концов, кто эти параметры установил? Согласно теории вероятности бутерброд должен падать маслом вниз столько же раз, сколько маслом вверх. Желательно через раз. Отрежьте кусок хлеба, намажьте его маслом и проведите эксперимент. Только не жульничайте при броске. Что получится? А вот что: у разных людей результаты окажутся разные, и объяснить это с точки зрения физики невозможно. Был у Егора приятель – тоже, кстати, музыкант, – звонивший ему раз в месяц исключительно в тот момент, когда Егор разговаривать просто не мог: смертельно опаздывал куда-то, или стоял под душем, или тушил пожар. Тут раздавался звонок, Егор, чертыхаясь, хватал трубку и слышал неторопливое, расслабленное: «Привет, Егорушка... Ну, как дела?» С течением времени приятель пришел к убеждению, что Егор просто не желает с ним общаться, и у Егора не находилось аргументов, чтобы его разубедить. Разве что позвонить са-

мому. Но просто позвонить, чтобы потрепаться, Егор не мог – он этого не понимал. Телефон – это для дела. А общих дел у них не было. В конце концов Егору даже стало интересно: сумеет ли этот приятель хоть раз попасть своим звонком в удобное, нормальное время? Нет, этого так и не произошло. Мало того: оказалось, что он всем знакомым звонил в самый неудачный момент. Всегда. Явление носило ярко выраженный мистический характер. В результате приятель разобиделся на знакомых, а заодно и на страну, и уехал в Израиль. Теперь он звонил Егору из Иерусалима, и Егор, выскакивая из-под душа с намыленной головой, стиснув зубы, слышал знакомое: «Привет, Егорушка... Ну, как вы там?»

* * *

Егор родился в Москве в знаменитом роддоме Грауэрмана – его семья жила совсем недалеко, на Гоголевском бульваре. Позднее Егор пришел к выводу, что другого роддома в центре, видимо, и не было – все его ровесники-москвичи были произведены на свет именно там. Даже странно: такой маленький зеленый трехэтажный домик в самом начале Арбата. Впрочем, Москва в те времена и была один центр – уже за площадью Гагарина, которая тогда называлась Калужской заставой, начинались глухие окраины с редкими островками новостроек.

Родители Егора относились к тонкой прослойке интелли-

генции – мама работала в литературном журнале, отец – в строительном управлении. Наверное, Егор рос в замечательной семье – откуда мы знаем? Детство у каждого бывает один раз, и родители бывают один раз, поэтому сравнить не с чем, да и как оценишь? Глядя на друзей по двору? Вон у Генки отец пьет и Генку иногда лупит – а Генка все равно бегаёт счастливый. Или нет?

Егору досталось от отца дважды, и это произвело на него сильнейшее впечатление. Один раз он, раздухарившись, наподдал ногой красно-синий резиновый мяч, мяч подлетел вверх и свалил с пианино старую бабушкину вазу. Второй раз, уже позже, в школе, Егор попытался переправить в дневнике двойку на пятерку (ничего не получилось), протер в серой бумаге дырку, обреченно ждал неминуемого. Страшно было не от ударов по попе, а оттого, что отец так рассердился.

Мать Егора была тихая, голоса никогда не повышала и сердиться, кажется, совсем не умела. Она умела только расстраиваться. Сколько Егор ее помнил – она все время сидела за своим письменным столом, закутавшись в большой коричневый шерстяной платок, листала бумаги, что-то под-

черкивала, стучала на пишущей машинке «Эрика». Машинка была главным предметом восхищения Егора. Иногда ему удавалось упросить маму, и она давала ему попечатать. Счастье длилось недолго – Егор старался воспроизвести музыку, вылетавшую из-под маминых пальцев, для этого надо было бить по клавишам быстро и ритмично, но буквы на тонких металлических ножках намертво сцеплялись между собой у самой бумаги, машинку заклинивало, мама хмурила брови, снимала с машинки крышку, разлепляла буквы и просила Егора нажимать клавиши медленно и по очереди. Медленно и по очереди было неинтересно.

Еще из детства в памяти остался игрушечный футбол – жестяное граненое поле зеленого цвета, в него натыканы маленькие футболистики в красной и синей форме: «Спартак» – «Динамо». Они играют крохотным стальным шариком, для этого надо щелкать курочками по краям поля – у каждого футболистика свой. Очень трудно запомнить, какой курок от какого игрока. Отец соображает быстрее, обидно. А если поле перевернуть – вообще интересно: от игроков к куркам идут длинные пружинки. Похоже на пишущую машинку.

Приходила учительница музыки Рита Абрамовна – каракулевая шуба, малиновые ногти. Композитор Майкапар, «В садике». Слегка расстроенное пианино стояло у стены в гостиной, укрытое серым льняным чехлом, и воспринималось маленьким Егором как мебель: мама всего пару раз на его памяти открывала пианино, садилась рядом и извлекала из

него тихие печальные звуки – Шопен. Егор и предположить не мог, что этот черный комод в чехле может стать орудием пытки. Два года фортепьянных мучений запомнились Егору как один бесконечный поход в поликлинику к зубному – не так больно, как страшно и противно. Еще запомнилось ощущение бесконечного счастья – в тот день, когда он узнал, что Рита Абрамовна больше приходить не будет.

* * *

Егору досталось расти в странное время. Про время это написаны книги, сняты фильмы, наворочены горы вранья. Но запах его, дыхание его помнят только те, кто это время застал, кто дышал его воздухом. Огромная неповоротливая страна то грозила миру атомной бомбой, то осыпала золотым дождем новорожденные африканские страны, жители которых только-только вышли из джунглей. А своих сыновей держала в черном теле, и ничего, ловко у нее это получалось, и не было ни богатых, ни бедных, ибо если нет богатых, то как поймешь, что бедные – все, и недостижимым верхом благосостояния считалась машина «Волга» и дачный участок в шесть соток, и все говорили немножко не то, что думают, и делали немножко не то, что хотелось, и ходили на партсобрания, и дружно поднимали руки, одобряя исторические решения съезда, и панически, безмолвно боялись власти, и занимали пять рублей до полочки, и возвращали

в срок, и смиренно стояли в бесконечных очередях за кефиром, «докторской» колбасой и портвейном «Кавказ», и банку сайры можно было увидеть только в праздничном продуктовом заказе по спецраспределению, а книгу «Три мушкетера» получить, сдав двадцать килограммов макулатуры, и на кухнях говорили вполголоса в синем табачном дыму, и крутились катушки на огромном магнитофоне «Днепр», и тихо пел Окуджава:

– По Смоленской дороге – леса, леса, леса...

Мама умерла от рака и оттого, что ее вдруг выгнали из издательства. Егор смутно чувствовал, что связано это было с тем, что она выстукивала дома вечерами на машинке, но был он к этому моменту еще мал, и битлы еще не ворвались в его душу, и родители выдворяли его из комнаты, когда в ней велись взрослые разговоры, и он сидел в спальне на кровати и тупо щелкал рычажками на своем жестяном футболе, и послушно махали ножками плоские футболистики – щелк-щелк!

На мамины похороны пришло неожиданно много народу, никого из них Егор раньше не видел. Мама лежала худая и совсем непохожая на себя, говорились какие-то дурацкие речи, было холодно, страшно, и хотелось скорее уйти. Позже Егор много раз думал: ведь он ничего не знал о том, чем его мама занималась. А теперь уже не узнает – негде и не у кого. Мамина смерть, которая, казалось, должна была сблизить Егора с отцом, напротив, их вдруг отдалила: отец постарел, замкнулся, стал уж вовсе неразговорчив – а он и раньше многословием не отличался, – и было похоже, что никто ему больше не нужен. Приехала тетя из Ленинграда, пожилая, почти незнакомая Егору женщина, семейные отношения с которой у него тоже не сложились. Пара лет пролетели незаметно, а потом до Советского Союза докатилась,

сметая барьеры и железные занавесы на своем пути, битловская взрывная волна, и Егора вместе с тысячами его сверстников и сверстниц подняло в воздух, закрутило, понесло, и все остальное на свете перестало иметь для них смысл и значение.

Что это было? Какое диковинное электричество прошло через сердца молодых людей всего мира? Сейчас Егор не смог бы ответить на этот вопрос, а тогда он им и не задавался – все вдруг радостно сошли с ума. Возмущалась главная газета «Правда», плевались политобозреватели с серых экранов телевизоров, трещали заслоны – все это было смешно. В конце концов, спустя полтора десятка лет, не выдержав напора волны, рухнул глиняный динозавр по имени Советский Союз – задолго до того, как Ельцин документально подтвердил его смерть в Беловежской Пуще. А тогда, в шестьдесят девятом, Егора как будто смыло с убогого безлюдного берега в волшебное разноцветное море, полное новых друзей и подруг, и совсем рядом неслась невероятная Желтая Подводная Лодка. И никому не приходило в голову, что битлы уже подписали приговор их угрюмой бескрайней родине – цветы и песни, песни и цветы!

В общем, скоро родительскую квартиру на Гоголевском бульваре разменяли на две однушки, отец уехал в Беляево, а Егору досталась маленькая квартирка в самом начале Ленинского проспекта – рядом с Институтом стали и сплавов, куда он только что поступил. Какие стали, какие сплавы! К

этому моменту Егору было совершенно все равно, куда поступать, он просто не хотел огорчать отца и выполнял завет матери – поступить хоть куда-нибудь. Раньше, в детстве, Егору нравилась профессия врача – холод блестящего металла инструментов, благородная миссия – спасать людей. Еще он заметил – а мама часто таскала его по врачам, – что пациенты всегда немного заискивают перед врачом, а то и побаиваются его, дарят ему конфеты. Врач как бы стоял чуть-чуть выше обычного человека, это не могло не привлекать. Егор уже было собрался в мед, но необходимость изучать там мертвую латынь резко оттолкнула. В одном черепе двести костей! И все по-латыни! Зачем? А про «стали и сплавов» он узнал случайно от своего товарища Вовки Матецкого – они отчаянно обменивались дисками – «пластами». Раз – и поступил. Как такое бывает? Вдруг. Когда не особенно стараешься и переживаешь – обычно получается легко и хорошо. Поэтому и квартиру выменивали в этом районе, и получилось совсем рядом – пять минут пешком.

В квартире Егор оказался почти один. Тетя Фира из Ленинграда вызвалась его опекать, жила на кухне, но это было невыносимо, и тетя Фира сама это понимала, так что Егору осталось чуть-чуть поднажать – и тетя уехала в свой Ленинград, оставив Егору полный холодильник кастрюлек с невкусной едой и какой-то свой легкий специфический запах. Свобода!

Первый раз Егору повезло совсем давно. Ему было лет семь, и мама возила его в Гурзуф. Гурзуф прилепился своими кривыми белыми домиками и чопорными сталинскими санаториями к склону древней горы, внизу синело невозможное море. Жили они с мамой в хрупкой кривой клетушке во дворике, по которому ходили поджарые крымские куры и всегда сохло белье – в основном всевозможные плавки и купальники: квартирантов было много. В сени дерев на маленьком столике сипел керогаз, что-то варилось, со стуком падали на землю перезрелые сливы. У мамы обнаружился знакомый в военно-морском санатории – какой-то капитан, здоровенный и молчаливый. Он не оставлял маму вниманием: молча потея, сидел с ними на пляже, вечерами они втроем ходили в «Старт» – кинотеатр под открытым небом – и даже протащили Егора на взрослый фильм «Великолепная семерка», практически спрятав его под маминым сарафаном. На третий день Егор почувствовал, что он в этой компании лишний. Это его совершенно не огорчило – наоборот: вокруг было столько интересного! Егор просыпался рано утром, часов в шесть, когда мама еще спала, и бежал копать червей к вонючему арыку, несущему скверну из стоящих на горе пятиэтажек. С этими червями в баночке из-под майонеза и леской, намотанной на деревяшку, он вприпрыжку спускался

ся к пирсу и до полудня в компании таких же огольцов ловил расписных зеленух и мордастых бычков, держа натянутую леску на пальце. В двенадцать на пирс заходила мама, сзади вышагивал капитан. Егора вели в блинную на набережной, кормили блинами со сметаной, звали с собой на пляж – но на пляже было жарко и скучно, Егор уже тогда не мог просто так валяться под солнцем без дела. И он убежал в Генуэзскую крепость.

Крепость нависала над бухточкой под названием Чехов-

ский пляж на самом краю Гурзуфа – впрочем, до этого самого края было рукой подать. Надо было пройти мимо пирса, к которому уже всюду причаливали белые прогулочные парходики, и из их рупоров-колокольчиков неслась над морем голос Эдуарда Хиля: «Как провожают пароходы? Совсем не так, как поезда...» Потом следовало обойти поверху Дом творчества художников имени Коровина, в просторечии Коровник, и по узенькой крутой тропке спуститься на Чеховский пляж. Второй путь шел по воде – надо было, наоборот, спуститься у самого Коровника к морю и, перелезая через старые шаланды и ржавые рельсы, ведущие в воду, дойти до скалы Шаляпина – красивого утеса, уходящего основанием в зеленую глубину. Тут спортивные юноши и их загорелые подружки прыгали в море, огибали скалу Шаляпина вплавь и выбирались на берег в безлюдной бухте Чеховского пляжа. На этот путь Егор не решался – волны с грохотом и брызгами били в отвесную стену утеса, а плавать Егор практически не умел.

Крепость, вернее, то, что от нее осталось, являла собой руины грубо сложенных стен с большими прямоугольными проемами и заваленными проходами в какие-то подземные пространства. Чтобы добраться до нее, приходилось карабкаться вверх по еле заметной и почти отвесной козьей тропке, обдирая колени о сухие колючки и чувствуя спиной море. По кромке крепостных стен ходили чайки, кося на Егора недобрым взглядом, кое-где было накакано, но вид сверху от-

крывался волшебный и атмосфера завораживала. Прямо под скалой гуляли темно-зеленые волны, на плоских камнях лежали небольшие человечки спинами вверх – девушки с развязанными шнурочками купальников, – белоснежные чайки висели в воздухе на одном уровне с Егором, и он мог смотреть на них сбоку. Егор обожал это место. В один из таких походов он зачем-то выбрался из проема в дальнем конце крепости, где скала под ней вертикально падала в море. Он потом не мог объяснить себе, зачем туда полез – как будто его что-то толкало. Камни под его сандаликами посыпались, он заскользил вниз и через мгновение обнаружил себя висящим над бездной. На дне бездны ворочалось море.

Егор проехал на спине метра три, собирая колючки, но до воды было еще очень далеко. Моментально покрывшись холодным потом, он понял, что сцепления его рубашки и шортиков со скалой хватает ровно на то, чтобы застыть неподвижно и не дышать – о том, чтобы попытаться выбраться наверх, не могло быть и речи. Егор, скосив глаза, посмотрел вниз. Слева и справа – почти под ним – из кипящей пены выступали темные камни. Еще дальше, правее, на берегу лежали маленькие отдыхающие. Верх никто не смотрел. Да и кричать было страшно – для этого пришлось бы набрать воздуха в легкие. И тогда Егор, неловко и отчаянно оттолкнувшись всем телом от колючей стены, полетел вниз.

Он даже не ушибся об воду. Она только с неожиданной силой ударила в нос, оказалась где-то внутри головы и потом

на протяжении двух дней то и дело вдруг начинала вытекать обратно – в самые неподходящие моменты. Егор не помнил, как он летел, как оказался в воде, как догреб до прибрежных камней – они были совсем рядом. На пляже никто ничего не заметил. Потом Егор приходил посмотреть на это место снизу – снизу казалось не так безнадежно высоко, как сверху, но этажа четыре туда укладывались свободно. И вот что интересно – Егор не мог вспомнить страха. Нет, страх был, пока он висел на скале. А в момент, когда прыгнул, – не было.

Маме Егор решил ничего не рассказывать. И в крепость больше не забирался.

* * *

Вторая и третья истории произошли несколько позже, одна за другой. Вторая случилась в метро, на станции «Кропоткинская». Егор вбежал на перрон (сколько он себя помнил в этом возрасте – он всегда бежал), а поезд уже собрался отходить, двери зашипели. Егор сделал последний рывок – и одна нога его оказалась в вагоне, а вторая провалилась между вагоном и платформой. Двери закрылись, поезд тронулся. И тут случилось невероятное: какой-то дядька в кепке, по виду – совершенный таксист, одной рукой рванул красную ручку «Стоп-кран – отключение дверей», а другой – втянул Егора в вагон. За шиворот. Слегка встряхнул и поставил вертикально. При этом он не произнес ни слова и даже как буд-

то смотрел немного в сторону, и лицо его с надвинутым на глаза кепарем выражало полнейшую невозмутимость. Вроде как он специально здесь стоял. Через пару секунд двери вагона снова закрылись и поезд поехал. Егор дрожал, пассажиры качали головами: «Носятся, как сумасшедшие...» – дядька вообще отвернулся, как будто ничего и не произошло. Егору казалось, что путь до следующей станции бесконечен. На «Парке культуры» он выскочил – невозможно было находиться в этом вагоне, – даже не сказав дядьке «спасибо», долго сидел на скамейке, переводил дух, рассматривал дыру в штанине и длинный расцветающий синяк – через дыру, представлял себе, как его должно было раскатать. Получалась жуткая картина.

А спустя еще пару месяцев Егор опаздывал в школу и перебегал улицу у самой Арбатской площади – от дома к памятнику Гоголя. Накануне навалило снега, который превратился на мостовой в кашу цвета кофе с молоком, было скользко. Добежав в четыре прыжка до середины улицы, Егор вдруг увидел боковым зрением, что прямо на него несется черная «Волга». Не успев ни подумать, ни принять решения, Егор обнаружил, что развернулся и бежит обратно к тротуару. Удар пришелся по его желтому ранцу из искусственной кожи, и тот отлетел метров на двадцать. А Егор не то что не упал – он даже не остановился, просто сменил направление бега, подхватил с мостовой ранец за оборванные лямки и свернул в Малый Афанасьевский – от орущего вслед

водителя криво затормозившей «Волги», от остолбеневших прохожих, вообще от ужаса произошедшего. Он чувствовал, как хромированный ободок фары «Волги» дробит ему позвоночник, и никак не мог избавиться от этого ощущения.

Ничего – побродил по арбатским переулкам, привязал оторванные лямки к ранцу узелками (пристегивать было уже не к чему, получилось немного коротковато, но терпимо), пошел в школу. Ко второму уроку.

* * *

А еще через пару лет постылая школа вдруг закончилась – и какая понеслась жизнь! Их команда с гордым названием «Вечные двигатели» уже к третьему году своего существования не то что гремела, но, скажем так, производила некоторый шум в московском подполье. И модные хипповые герлы на стриту уже оборачивались, когда Егор с басистом Митей шли по правой, тусовочной стороне этого самого стрита в направлении кафе «Московское». А когда тебе семнадцать лет, каждый такой взгляд очень много значит. И все кажется возможным.

Все в один момент стали почти независимыми людьми – почти, потому что денег было мало. Но денег было мало у всех, а если вдруг у кого-то их оказывалось больше, то тратили их вместе – быстро и весело. Да и на что было тратить? По ресторанам их компания не ходила – а их и не было, ресторанов-то, в нашем сегодняшнем понимании: те несколько чопорных и унылых заведений, которые и назывались тогда ресторанами, не привлекали совершенно. Исключение составлял ресторан «Пекин» на первом этаже одноименной гостиницы: подавали там диковинные китайские блюда за копейки, и можно было на три рубля напробоаться до невозможности. Советские люди это заведение особо не жаловали, опасаясь, что их накормят червяками, а Егор с друзьями обожал. Ходить туда следовало днем, вместо лекций, когда посетителей нет вообще и официанты просто вынуждены обратить на тебя внимание. Не каждый день, конечно. Раз в месяц. Да нет, вполне хватало на жизнь – отец подбрасывал понемногу, плюс стипендия, пиво стоило двадцать четыре копейки, а джинсы носились вечно и делались от этого ношения только лучше и лучше. Конечно, были еще другие деньги – священная касса для приобретения «аппарата»: динамиков, колонок, усилителей, гитар, струн, клавиш, барабанов, тарелок, проводов, – всего того, без чего невозможен рок-н-ролл, и пополнялась она за счет сейшенов, на которые «движков» приглашали все чаще. Касса медленно и верно

росла, и никому не могло даже в голову прийти взять оттуда, скажем, трояк на бутылку. Хранителем кассы был Егор.

Ух, какая это была жизнь! Она неслась где-то совсем рядом с убогим, вечно будничным существованием советской страны – и не имела к ней никакого отношения, и вся была – праздник. Граждане государства уныло шли на работу, читали газеты, смотрели по телевизору программу «Время», очередной съезд коммунистической партии принимал исторические решения, страна клеймила позором американский империализм и израильскую военщину, послушно ликовала седьмого ноября и Первого мая, а здесь, в другом измерении, среди верных друзей и внезапных подруг до утра до хрипоты спорили, кто поет верхний голос в «One after 909» – Пол или Джордж, и стирали в кровь пальцы об ужасные струны, безуспешно снимая пассажи Джимми Хендрикса, и курили до одури, и пили все, что можно и нельзя было пить, и были счастливы, и не было для них другого мира. Уже много позже, вспоминая эти годы, Егор поражался – как мало места в его памяти занял институт: ну, какие-то страхи перед экзаменом, ну, какая-то смешная поездка на картошку. Все! И даже когда его вытурили из этого самого института – не за хвосты, нет, хвостов не было, он умудрялся учиться хорошо, а в результате очередной идеологической чистки рядов советской молодежи, – даже это, в общем, обидное неординарное событие никаких воспоминаний не оставило.

3

Интересное дело – «Вечные двигатели», начавшие свое существование еще в школе как шаманская секта по прослушиванию ансамбля «Битлз» с целью извлечения из электрогитар максимально похожих звуков – юная группа, которую никто не принимал всерьез, – эти «Вечные двигатели» постепенно набирали обороты и становились модной командой. Слава пришла к ним не в один день, и, возможно, это уберегло их от головокружения. Да и с самоиронией в команде всегда был полный порядок. Басист Митя, правда, на заре туманной юности любил привести на репетицию какую-нибудь чувиху, чтобы та сидела и смотрела, как он красиво поет и играет, но Егор с клавишником Дюкой так его простебали, что он надулся и водить чувих на репетиции перестал. Репетиции – это было святое, это было служение, медитация, молитва – какие бабы? Егор не заметил, когда команда стала известной, а потом знаменитой, – когда впервые, в семьдесят седьмом, они вырвались на сейшен в Питер и вдруг оказалось, что вся питерская система знает наизусть их песни – только по магнитофонным пленкам? Или в восемьдесят первом, когда они чудом, краешком попали в плохое советское кино, а народ ломился, чтобы увидеть «движков» на экране, и страна впервые узнала своих героев в лицо? Или раньше, в восьмидесятом, когда директор Московской областной

филармонии на свой страх и риск взял группу на договор, и их повезли на гастроли в город Минск, во Дворец спорта, с ужасной сборной солянкой в первом отделении, и Егор не представлял себе, как могут прийти на их концерт шесть тысяч человек, да еще два раза в день, да еще целую неделю подряд, а к Дворцу спорта тянулась километровая очередь, и вся милиция города была стянута для наведения порядка? И ведь не было в группе никаких виртуозов: играли и пели «движки», в общем, посредственно. Дело было в чем-то другом. В песнях, конечно. Но и в чем-то еще.

В начале семидесятых, когда рок-н-ролл еще полагалось петь по-английски, приоритеты были расставлены четко: инструмент, аппарат и умение играть «один к одному». Играй как Хендрикс – и будешь Хендрикс. Никому не приходило в голову, что Хендрикс уже есть и второй никому не нужен. Гитары ревели, чувихи сходили с ума, пипл тащился. А дальше – куда дальше? «Движки» среди этих хендриксов, пейджей и элвинов ли терялись совершенно. И тогда они, пока еще негромко, вслед за Градским и молодой «Машиной», запели по-русски. Свое.

А потом прошло еще несколько лет, и открылись кое-какие двери, и вдруг стало ясно, что никому не интересна эта игра в джимми хендриксов. И пошли хендриксы и сантаны лабать по кабакам и петь про комсомольские стройки в жуткие вокально-инструментальные ансамбли. Сколько судеб тогда было искалечено, сколько кумиров рухнуло с

пьедесталов! А «движки» крепчали, матерели, ссорились и мирились, но не разбежались, как многие, и их вязали, но так и не посадили, топтали, но так и не растоптали, и мерли, как зимние мухи, один за другим генеральные секретари Коммунистической партии Советского Союза, а они все играли и пели, с каждым годом крепче и крепче стоя на ногах. И причиной тому, конечно, были их песни – ничем другим они внимания привлечь не могли. Что это были за песни? Егор не занимался анализом такого рода – пишутся, и слава богу. Песни у него получались очень простые – и даже, приглядевшись, можно было понять, что откуда выросло: немножко битлов, немножко Окуджавы, немножко Высоцкого, немножко «Машины». Ирония и жалость. Просто в них было что-то, заставлявшее фанов подхватывать их со второго раза и петь хором вместе с «движками», раскачиваясь в такт. Что это за неуловимая, необъяснимая составляющая? Мы не знаем.

Какой все-таки поразительный организм – группа! Егор часто думал об этом. С чем это можно сравнить? «Коллектив единомышленников» – как писали про них бездарные газетчики, когда про группы стало можно писать? Чушь собачья, какие они единомышленники? Нет на свете более непохожих друг на друга людей. Просто однажды они отравились каким-то общим ядом, попали под один никому не видимый луч света. Такой изысканной смеси любви, зависти, дружеской верности и причудливых предательств в одном флако-

не, пожалуй, не встретишь нигде. Годы – какие годы, десятилетия! – переплели, переплавили этих очень разных людей в совершенно невероятный конгломерат, и годы-то тут ни при чем – вы знаете, что такое таинство создания новой песни? И какое ощущение взаимного обожания и радости заливает команду, когда хорошая песня наконец родилась на свет? А ведь люди эти еще жили какую-то часть жизни, скажем так, «на стороне» – влюблялись, женились, растили детей. Интересно: жены (а периодически женаты бывали все) никогда внутри команды любовью не пользовались. Это что, ревность?

Иногда Егору вдруг на мгновение открывалась бесконечно сложная, хрупкая и, казалось, случайная связь людей, событий и явлений, поступков и результатов – так фотовспышка на долю секунды выхватывает из темноты комнату, заполненную множеством предметов. Все это напоминало хаос, и, хотя начитанный Митя любил говорить, что хаос – самая устойчивая форма существования материи, становилось страшно: как все это не рассыпается, взаимодействует, движется непредсказуемо?

Везло «движкам»? Определенно везло.

4

Первая встреча состоялась во сне.

Когда-то Егор прочел в медицинском журнале, что люди с нормальной психикой видят исключительно черно-белые сны. Егору очень хотелось хоть раз увидеть такой сон, но как он ни старался, не мог себе такого даже представить: это что, как в старом телевизоре? Сны у него случались яркие, запоминающиеся и иногда весьма содержательные – если бы Егор относился к себе с меньшей иронией, он бы, наверное, их записывал. Особенно ясно запоминались как раз цвета. Этот сон по силе ощущений был особенным.

Дело происходило в какой-то квартире на высоком этаже, совершенно пустой. Егор однажды видел такое в конце семидесятых, когда его приятель Игорек со всей семьей уезжал в Америку, как это тогда называлось, на ПМЖ – постоянное место жительства. Отъезд держался в глубокой тай-

не – а по-другому тогда и быть не могло: засветишься, попадешь в отказники, – и ни Егор, ни остальные друзья Игорька ни о чем не подозревали до последнего момента, когда разрешение на выезд уже было получено. Игорек вдруг пригласил всех на проводы, Егор вошел в такую знакомую квартиру и обалдел: она была совершенно пуста – голые стены. Все вещи: мебель, пианино, книги – все было уже продано и роздано родственникам, поэтому скатерть с бутылками и бутербродами располагалась посреди комнаты прямо на полу. Во сне не было ни скатерти, ни тоскливой с натужным весельем атмосферы проводов. Комната была полна какими-то друзьями и знакомыми, все оживленно беседовали, кажется, выпивали. Егор потолкался среди народа и вышел на кухню – покурить. Кухня, как и комната, была совершенно пуста – одинокая плита и раковина в углу, а у окна, казавшегося голым без занавески, стояло несколько совсем молодых и совершенно незнакомых Егору ребят. На вид лет по шестнадцать, модные стрижки, модные шмотки – балахончики с капюшонами, узкие джинсы, расшнурованные, как полагается, кроссовки – ничего особенного. Но Егора вдруг окатило горячей волной какого-то невероятного, нечеловеческого счастья. Это было совершенно новое ощущение – Егор потом пытался сравнить его хоть с чем-то ему знакомым и пришел к выводу, что, наверное, так бывает счастлива собака, к которой наконец вернулся хозяин.

Ангелы!

Егор ощутил это мгновенно – всем телом, всем существом. И замер, не зная, что делать, как себя вести. А ангелы – их было, кажется, трое – болтали о чем-то необыкновенно веселом, хохотали, и невозможно было понять, о чем они – слова знакомы, смысл неуловим. А потом один из них повернулся к Егору и сказал: он здесь для того, чтобы сообщить ему, что *там, наверху*, его очень любят. И все – развернулся к своим, и они продолжили свое веселье, как будто никакого Егора тут нет. В другой ситуации это было бы даже обидно, но физическое ощущение счастья настолько заполняло каждую клеточку, что ни на какие другие чувства места не оставалось.

Потом Егор проснулся – сон оборвался, а счастье осталось, и целый день Егор ходил, светясь изнутри и боясь это счастье расплескать.

Назавтра он встретил Светку.

Нельзя сказать, что Егор был какой-то невлюбчивый – напротив, его вполне можно было назвать легко увлекающимся. Бывали даже серьезные, клинические случаи – однажды, будучи безнадежно влюбленным в загадочную красавицу, поехал искать ее в Таллин – тогда это еще так писалось, – не зная ни телефона, ни адреса – только, что живет она в центре, в Старом городе. Красавица появлялась в Москве неожиданными наскоками, останавливалась в каком-то жутком актерском бомжатнике и звонила сама – когда считала нужным. Моросил мелкий дождь, Егор бродил по кривым безлюдным улочкам с сумкой на плече, ощущая себя полным идиотом, и ничего не мог с собой поделать. Без всякой надежды нарезал круги часа четыре, неизбежно выходя на площадь Старого Тоомаса, потом смертельно напился с двумя командированными лейтенантиками, которые умудрились его узнать, и вечером сумел улететь домой. Спустя пару лет красавица рассказала Егору, что тогда она все эти четыре часа ходила за ним следом, пораженная масштабом его безумия, – он не поверил. Впрочем, это на нее было похоже.

Интересно другое. Повстречав свою первую, а потом и вторую жену, Егор с первой секунды знал, что они поженятся. Увидев только что, еще издали, – знал. Еще не познако-

мившись, еще не услышав имени. Откуда? Причем это было не желание, не порыв души – именно знание.

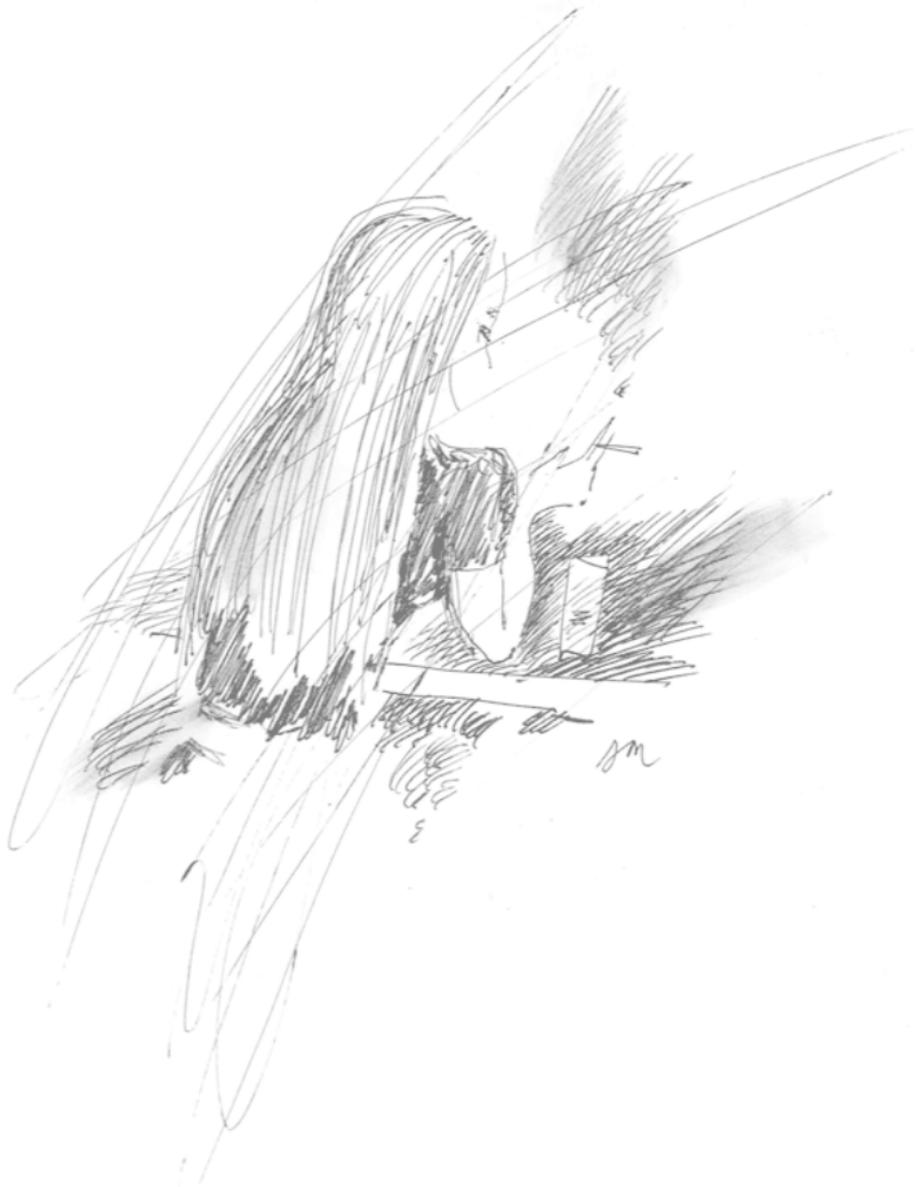
Первая жена, наверно, была слишком хороша для Егора – во всяком случае, он впоследствии думал именно так. Она безупречно относилась к себе самой и требовала такого же отношения к себе со стороны близких. Поначалу так оно и происходило, а потом «движков» каким-то чудом взяли в филармонию, и они неожиданно вырвались из постылого подполья, где совсем уже нечем было дышать, на бескрайние оперативные просторы страны – и жизнь закрутилась совсем с другой скоростью: с гастролями, перелетами из города в город, безумными толпами поклонников и поклонниц – кто знал, что их будет так много? – и во всей этой карусели вдруг оказалось, что жена занимает в Егоровой жизни не самое большое место – мы ведь быстро привыкаем к хорошему, верно? А она со своей гордостью этого, конечно, простить не могла.

Что касается второй жены, то она Егора так и не любила, хотя честно старалась, отвечая на Егоров порыв. Никакой химии не возникло, она страшно злилась – на себя, но в основном на Егора: больше было не на кого. И в первом, и во втором случае расставание прошло быстро и достаточно безболезненно. Брачные периоды чередовались с полосами восхитительно свободной жизни, лишенной всяких обязательств и полной нечаянных радостей. Хорошо гулять по цветочным полям, думал Егор. Особенно если это просто

прогулка и в главную задачу твою не входит собирание гербария или поиск аленького цветочка.

* * *

Пребывая именно в этой жизненной фазе, Егор поздним вечером забрел в только что открывшийся на Ордынке клубик «Бедные люди». Это был один из подарков перестройки – еще год назад Егор находился в твердом убеждении, что такие стильные, не по-советски уютные кабачки в нашей родной стране в принципе невозможны – ну разве что в Прибалтике, там почти заграница. Чтобы вот так, и группа играла, и без ментов на входе? Да никогда! Ошибался. Распустились, как почки весной.

В «Бедных людях» было до синевы накурено, весело, сидели ребята из «Квартала», какие-то их расписные подружки. Егору обрадовались, усадили, налили. Он машинально – нет, конечно, не машинально, вполне осознанно – огляделся. Двойной лорнет, скосясь, наводим... Наводить особенно было не на что. Вдруг девушка в черном, сидевшая метрах в пяти по диагонали от Егора и почти к нему спиной, коротко обернулась, и Егора ошпарило: он где-то видел это печальное, почти библейское лицо, эти густые темные волосы – где, когда? Он даже не заметил, одна она или нет. А дальше между ними произошел диалог – беззвучный, на радиоволне. Его можно было бы сравнить с обменом эсэмэсками, да только не было тогда еще в природе никаких эсэмэсок, и первые мобильные телефоны «Моторола» величиной и весом с добрый кирпич и ценой в пол-автомобиля «Жигули» только-только появились у самых крутых бандитов.

«Ну вот, я здесь сижу».

«Я вижу, черт возьми!»

«Ты будешь что-нибудь делать?»

«Что?»

«Ну, не знаю. Хотя бы подойдешь».

«Я не могу!»

«Почему?»

«Я не могу просто взять и подойти к незнакомой девушке!»

«Почему?»

«Не знаю. Никогда не мог. Нас должны представить!»

«О, как интересно. Ну ладно, я пошла».

И Егор с ужасом понял, что вот сейчас она встанет, пойдет к выходу, и он никогда больше ее не увидит. Понял – и не мог пошевелиться. И она встала и пошла к выходу – прямо мимо Егора, и тут Арик из «Квартала», почувствовав Егорово отчаянье, схватил ее, проходящую, за руку и легко, одним движением, усадил за стол. Егор не помнил, как их, по его настоянию, представили и о чем они проговорили весь вечер, а потом всю ночь. Когда мужчина и женщина идут навстречу друг другу – неважно, о чем они говорят, смысл слов не имеет никакого значения, ибо вступают в работу совсем иные, могучие механизмы, неведомые нашему сознанию и неподвластные ему. И только чувствуешь, как ток бежит по проводам и согревает их, и как уже привычный хаос, из которого еще вчера состоял твой мир, вдруг уступил место простой и ясной гармонии, и что ты – счастлив, счастлив каждую секунду твоей новой жизни.

И нет от этого счастья ни лекарства, ни спасения.

* * *

Почему, как это происходит? Еще секунду назад ты был нормальным, адекватным человеком, веселым и циничным, и ничто не угрожало твоей свободе – и вдруг, среди бела дня, совершенно незнакомая девушка говорит тебе три слова ни

о чем – и ты уже не ты, и отныне не принадлежишь себе, и приоритеты твои вмиг поменялись местами, и некая неведомая сила теперь движет всеми твоими мыслями и поступками, даже не советуясь с тобой. Что это? Евино яблоко? Светка, казалось, была создана для Егора – он не находил в ней недостатков. Хотя был необыкновенно придирчив в мелочах, и такая, казалось бы, ерунда, как визгливый тембр голоса, или неприятный смех, или, скажем, некрасивые пальцы, да еще с облупленным лаком на ногте, могли отвратить его мгновенно и бесповоротно. Какая-нибудь небесная красавица вдруг заводила не к месту дурацкий разговор – и через минуту Егор уже искал выход из помещения. А теперь он изучал Светку – и не находил в ней изъяна. Знал, что так не бывает. Смотрел во все глаза – и не находил. Сколько они пробыли вместе – год, три, пять? Он не помнил. Он не мог вспомнить, о чем они говорили – а они ведь говорили! Не расставались столько лет – и говорили! Изредка даже ссорились – из-за какой-нибудь ерунды – и быстро мирились. Светка обладала редчайшим даром – не доставать. Она занимала исключительно свое место в пространстве и не претендовала на его расширение. Ее мало интересовала музыка Егора, его главное дело жизни – так ему, во всяком случае, казалось. Она не рвалась на концерты «движков» – кроме тех, на которые не пойти было уже неприлично. Егора это даже сначала немного обижало – а потом он понял, что это как раз замечательно, хватит уже фанаток с горящими глаза-

ми и разрухой в головах. Егор не мог нарадоваться – дороги его были починены, трещины в стенах исчезли, ветер не бил в лицо, а приятно толкал в спину.

Была ли счастлива Светка? Мы этого не знаем. Она оказалась очень скрытной, и Егор это понял далеко не сразу. Она, например, не хотела переезжать к Егору, хотя тот одно время настаивал – почему нет, в самом деле? А вот не хотела, и не объясняла причину, и они встречались где-нибудь в городе и шли куда-нибудь ужинать или просто в кино, если было что смотреть, а потом ехали к Егору на Ленинский, а утром сонный Егор отвозил ее в дебри Новобасманной, в место ее обитания. Понастаивал-понастаивал – перебирайся! – да и бросил: не хочет, и не надо.

Однажды Светка его сильно удивила. Они тогда втроем с приятелем поехали путешествовать по Кубе – давно собирались. Все было восхитительно: мохито, сигары, озорные кубинки с животным блеском в глазах, невероятно синий океан. На рынке в старой Гаване черный, как сапог, кубинец продавал цветастые сарафанчики – целая охапка на вешалке: пестрые, разные. Егор решил купить Светке сарафанчик – уж больно она их разглядывала. Светка выбрала два. Два не получалось – денег было мало. Да нет, хватило бы, конечно, и на два – ну, пришлось бы совсем поджаться. Егор попробовал объяснить это Светке, и она вдруг, отвернувшись, беззвучно заплакала – так горько и безнадежно, что Егор оторопел. И подумал в эту секунду, что он на самом деле совсем

ее не знает. Не может быть причиной такого горя какой-то сарафанчик. Подумал и забыл.

* * *

А потом, год спустя, у Егора дома Светка выронила в прихожей сумочку, и из нее вдруг выпал презерватив в нарядном пакетике. Это было настолько неожиданно и настолько необъяснимо, что Егор не нашел ничего лучше, чем спросить: что это? Светка покраснела, насколько могло покраснеть это смуглое существо, пробормотала что-то невнятное, нагнулась и спрятала презерватив обратно. Удивительное дело: в Егоре сработала защитная реакция – до такой степени не хотелось верить в увиденное и строить предположения на эту тему, что эпизод был моментально вычеркнут из сознания. Разговор закончился, не успев начаться. Не было ничего.

А еще через полгода, привычно целуя Светку перед сном, он по еле заметному изменению, которое бы не зафиксировал ни один самый точный прибор в мире, вдруг понял, что у нее кто-то есть. Кто-то еще, кроме Егора. И он ее целует. И опять – это было не подозрение, не предположение, а абсолютно твердое знание, и унылые Светкины слова, что никого у нее нет, не имели значения – она сама это чувствовала.

И начался ад.

Все в этот раз было не так, как всегда. С глаз долой, из

сердца вон – не получалось. Егор не мог понять: вроде Светка занимала в его жизни твердое, постоянное место, но, скажем так, не закрывала собой весь небосвод – и вдруг на этом месте осталась зияющая дыра, и нечем ее было закрыть, и что бы Егор ни делал и о чем бы ни думал, эта дыра не давала ему покоя, она была в нем самом, и он вытекал из нее по капле – каждую минуту, каждый час, – не остановить.

Соперником Егора оказался ничем не примечательный совсем юный мальчик – лет на пятнадцать моложе Егора и на пять – самой Светки: они, оказывается, все это время работали вместе в издательстве журнала «Не спи, замерзнешь!». Возможно, это тоже подливало масла в огонь: меня, Егора, – и на кого? Но в действительности сам факт ее отсутствия причинял такую невыносимую боль, что с кем она там сейчас, не имело никакого значения. Все потеряло смысл. И тогда Егор сделал то, чего не следует делать никогда: бросился вслед ушедшему поезду.

Ух, как Светка тогда по нему потопталась! Нет, она не бросала трубку, не отказывала в свиданиях. И они шли в ставшие для них любимыми за эти годы ресторанчики, и она словно не видела, что творится с Егором – а он сидел напротив постаревшим полуживым идиотом, не в силах улыбаться и поддерживать разговор, – и мило принимала подарки, которыми он ее заваливал, а потом ехала к своему юноше – нет-нет, подвозить не надо! – оставляя Егора корчиться в пустой машине. Шли месяцы, и ничего не менялось, и время

словно остановилось, и Егор понимал, что эту историю надо как-то кончать.

6

На самом деле все просто – надо, сидя на стуле, найти такую позу, чтобы ружье упиралось стволом в грудь чуть левее середины, а большим пальцем ноги можно было нажать на курок. Упереть ствол в подбородок, конечно, еще проще, но тогда в результате все получится очень некрасиво... это просто поразительно, о чем человек в такие моменты думает. «Покойник выглядел нехорошо». Егор поразмышлял на эту тему и, утешая себя, решил, что, видимо, это все-таки происходит от подсознательной заботы о родных и близких – сбегутся, а тут такое безобразие, все забрызгано. Потом понял – нет, вранье: все-таки хочется в последний момент выглядеть красиво. Хотя бы достойно. И перед родными, конечно, тоже, и вообще. Артист хренов. Как же мы смешно устроены!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.